

**АТААЛЛАХ
АРРАНИ**

**Лепестки
роз**

ПЕРЕВОД ТЕОДОРА ШЦМОВСКОГО

АТААЛЛАХ
АРРАНИ

Лепестки
роз

ПЕРЕВОД ТЕОДОРА ШЦМОВСКОГО

Аннотация

Теодор Адамович Шумовский – лингвист, востоковед, арабист, кандидат филологических и доктор исторических наук, поэт – человек удивительной и непростой судьбы. В числе одного из его главных творческих и научных свершений называют первый в России поэтический перевод Корана. Но есть еще одно, возможно менее известное, но от этого не менее важное достижение. Теодор Адамович Шумовский вернул нам творчество выдающегося средневекового поэта Атааллаха Аррани, жившего в XIV-XV веках нашей эры.

Аррани был открыт Т. А. Шумовским в 1936 году, когда он, будучи студентом, приехал на каникулы в родной город Шамаху, где вновь и вновь бродил по любимым местам пока не оказался у полуразрушенной мечети, в полуподвальном помещении которой неожиданно для себя нашел стопку бумаг, аккуратно перевязанную шнурком. Это оказался сборник стихотворений неизвестного поэта Атааллаха Аррани.

«Атааллах, прозываемый Ширвани, я родом из Аррана, поэт и ученый Ширвана, сказал, когда ему повелело сердце...Много сочинителей, сложили помногу книг, изучаемых многими поколениями. Я, один из сыновей благословенной столицы поэтов, сложил всего одну книгу, которую прочтет ли хоть одно поколение».

Строчки завораживали, словно приглашая притронуться к таинственной старине. За полтора года – с конца 1936 по 1938 годы Шумовскому удалось перевести большую часть трудов ширванского поэта. Но, в 1938 году, после ареста по ложному обвинению, сборник стихов Аррани и листки перевода с остальными книгами и конспектами бесследно исчезли. «Отчаяние не созидает. Кто хочет достигнуть своей цели, не должен позволять бесполезным чувствам торжествовать над разумом. Я решил восстановить «Лепестки» своей памятью, – вспоминал ученый. – Лучше всего я запоминаю, когда запишу, после этого мне уже не надо смотреть в записанное, чтобы его восстановить». Не нужно говорить, какой ценой это было достигнуто; здесь важен только результат, когда творение древнего ширванского поэта выходит ко всем ценителям и знатокам прекрасного, живущим в

сегодняшнем мире.

«Я мечтал об этом тридцать пять лет. Эту мечту я смог сберечь и тогда, когда моя земная тропа скользила над бездной... И, если эти лепестки золотой розы поэзии, сохранившие свою свежесть в течение пяти веков, станут спутниками души и переживаний разных людей во всем мире, это будет лучшей наградой труду переводчика». *Т. А. Шумовский*

Оглавление

Аннотация

ЛЕПЕСТКИ РОЗ

ЗАРИФА

АБУ НУВАС

МИНИАТЮРЫ О ЛЮБВИ

ИЛЕН

ЗИНДАНИЙЯТ

ЖИЗНЬ И МОРЕ – БЕЗО ДНА КОЛОДЦЫ

УХОДИТ ЖИЗНЬ, А СДЕЛАННОГО МАЛО

Примечания

Атааллах Аррани
ЛЕПЕСТКИ РОЗ

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

(перевод Теодора Шумовского)

*Когда придет пора покаяться в грехах,
Скажу, что не одну, как повелел Аллах,
Три жизни прожил я: одну – в спасенье тела,
Другую – для любви, а третью жизнь – в стихах*

Агааллах АРРАНИ

ЛЕПЕСТКИ РОЗ

Роняли
 розы
Рубиновые слёзы,
А может быть,
 благоухающую кровь.
Венцов томленья,
Цветов печали
Не соберут их чаши вновь,

За словом
 слово
Свежо и ново
Роняю
 в мавзолей стихов,
Упавших песен
Уж не поднимет сердце
Как не вернёт вчерашних снов.

Так начинается Аррани свою книгу.

ЗАРИФА

Душе моей навеки свято
Сплетенье этих горных жил,
Былой реки засохший ил...
Смотрите! Здесь я жил когда-то
И здесь впервые полюбил.

...Травы верблюдам было мало,
В колодцах высохла вода,
И наше племя кочевало
По всей Аравии тогда.

У этих гор, где Антар-витязь
Впустил в пески поток реки,
Сказал нам шейх: «Остановитесь!»

С ним согласились старики.

Была у шейха дочь Зарифа,
Румянощёкая заря.
Коса чернее перьев грифа,
Глаза-бездонные моря.

Дика, горда и неподкупна –
Ты скажешь: лёд ее черты, –
Лишь мне она была доступна,
Лишь я срывал её цветы.

Сходила ночь на смену зною,
В объятьях, в сладостном бреду
Я видел день, когда женою
Я в свой шатёр её введу.

Но шейху на глаза попались
Однажды мы – и царь беды
Увёз её, и мы расстались.
Я шёл за ней, но потерялись
В песках пустынь её следы.

Товарищи трудов и бденья,
Ты, аль-Аля, и ты, Хишам!
Оплачем здесь любви томленья,
Ещё неведомые вам.

Исчезли утренние грёзы,
И тихо лью на склоне дней
Скупые старческие слёзы
Над гробом юности моей.

АБУ НУВАС

С чем виноградин сравнить намёки на несравнимость,
Абу Нувас?

Как будто юность их изваяла из песен жизни, Абу Нувас.
Едва коснёшься – и хмель проснётся и в жаркий пурпур

окрасит губы.

Как будто губы ширванских женщин, они пьянящи,
Абу Нувас.

Как будто кубок вина хрустальный, они прозрачны,
Абу Нувас

Как будто Земзем^[1], как будто Каусар струят в них
сладость, Абу Нувас.

Прикосновение родит желание, как бы с губами сливая губы.

Как будто груди моих любовниц, они округлы,
Абу Нувас.

Как будто звёзды в пучинах неба, они мерцают,
Абу Нувас.

В них шепот ветра, улыбки солнца, земная свежесть,
Абу Нувас.

Не прикоснёшься – жить не стоит, а прикоснёшься –
сгоришь от страсти.

Как будто бёдра моих наложниц, они упруги,
Абу Нувас.

В багдадский полдень, в тяжёлый жар,
Когда свернулся клубком базар,
Молчат, уткнувшись в лазурь, дворцы,
Под сказки дремлют в садах купцы.

Восток и запад спрямляют лук
По минарету ползёт паук,
Комар супруге поёт: «Ля-иль!»^[2].
В кофейнях нищий глотает пыль.

Уходит Дигла^[3] в свои пески,
Ложится буйвол на дно реки,
И лишь, бросая в песок следы,
Бежит разносчик: «Кому воды!»

В багдадский полдень, в урочный час
Пришёл к халифу Абу Нувас,
Поэт придворный, певец вина
И женской ласки – любви струна.